

Д. А. Казаков, В. В. Идоленко

«Раньше такого не было, а сейчас вообще не знаю»

Разговор с женщиной на лестничной площадке

Дмитрий Александрович Казаков — слушатель магистерской программы «Фундаментальная социология» (2022–2023) Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка); юрист, специализируется на законодательной и правоприменительной практике. **Электронная почта:** kazakovd13@gmail.com.

Виктория Викторовна Идоленко — слушатель магистерской программы «Фундаментальная социология» (2022–2023) Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка); преподаватель английского языка. **Электронная почта:** victoriaidolenko@gmail.com.

Аннотация: Тандемное интервью с пожилой женщиной на пороге её квартиры. Разговор о трудностях её жизни в большой семье, уходе за детьми, болезнях, участии в общественной жизни, социальных связях, выборах и специальной военной операции. Со вздохами и улыбками, человеческое общение с незнакомым человеком, направленное на понимание и принятие чуждой боли, чужих переживаний, чужой тревоги перед настоящим и будущим.

Ключевые слова: выборы, социальная политика, социальные связи, специальная военная операция, трудная жизненная ситуация, этнографическое интервью

Для цитирования: Казаков, Д. А., Идоленко, В. В. «Раньше такого не было, а сейчас вообще не знаю». Разговор с женщиной на лестничной площадке // Пути России. 2023. Том. 1. № 1. С. 28–40.

ТАНДЕМНОЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ с женщиной на лестничной площадке. 26 марта 2023 года. Я — Дмитрий Казаков и я — Виктория Идоленко, и она — просто Людмила. Имя респондента изменено, разговор сокращён и немного отредактирован. То, что естественно в устной речи, становится неуместным в письменной. Мы не составляем протокол и не готовим материал для подачи жалобы в государственные органы. Мы слушаем женщину и хотим, чтобы и вы услышали её.

Дмитрий: Людмила замужем, у неё двое взрослых детей: дочери 45 лет, она в разводе; сыну 42 года, он живёт отдельно. От дочери у Людмилы двое внуков: 23-летняя внучка — учительница в школе, замужем, живет отдельно; внук-подросток находится под присмотром бабушки, потому что его мать допоздна работает. Помимо внука, на попечении Людмилы находятся ещё два несовершеннолетних ребенка — они сводные сёстры. Дело в том, что шесть лет назад умерла невестка Людмилы, оставив двух дочерей: старшую (13 лет) от первого брака и младшую (9 лет) от сына Людмилы.

У старшей девочки есть отец и другие родственники, но им она, по утверждению Людмилы, «не нужна», поэтому Людмила официально оформила опеку над ребенком. Младшая же внучка Людмилы — инвалид с детства, не может ходить. На протяжении всех шести лет с момента смерти невестки Людмила посвящает всё своё время воспитанию внуков.

Виктория: Воскресенье. На часах около половины пятого вечера. На улице идёт мелкий дождь, словно кто-то опрыскивает из пульверизатора рассаду. Декорации: лестничная клетка второго этажа хрущевки, стены подъезда пополам: верхняя часть — белая штукатурка, «лягушка в обмороке» — снизу, слева от меня — серый электрощит. Напротив, в картинной раме дверного косяка стоит седоволосая босая женщина в простеньком халатике на молнии, на груди — серебряный крестик на веревочке, а глаза такие уставшие.

Сложно изо дня в день делать то, из чего не состоишь сам, поэтому, чтобы после операции на сердце воспитывать трех внуков, одна из которых не может ходить, и уделить 50 минут своего времени совершенно незнакомым людям, постучавшим к тебе в дверь со словами: «Мы просто изучаем, как живут люди. Приехали специально, вот, в Малоярославец», — нужно иметь внутри что-то такое, что описать толком, словами — нетривиальная задача.

Спустя почти месяц я пытаюсь описать обыденным языком *mapra mundi* той женщины с мягкой улыбкой на добром и уставшем лице. Моя мысль цепляется за кажущееся на первый взгляд несоответствие: общее доверие к людям и институтам и социализированность спаяны с нежеланием обращаться за помощью ни к государству, ни к родственникам, соседям или друзьям.

ДМИТРИЙ: Малоярославец, пятиэтажка. Дверь открыла женщина лет шестидесяти: грустный взгляд, изможденный вид — всё в совокупности создавало впечатление, что она или очень сильно устала, или нездорова, или находится в депрессивном состоянии. Тихим голосом и с тяжёлым вздохом, которые лишь дополнили первое впечатление, но при этом исключительно вежливым тоном в ответ на наши приветствия спросила: «Что вы хотели?». Молча, без какой-либо реакции выслушала наши пояснения о том, кто мы и зачем пришли. Тем же тихим грустным голосом сказала: «Понятно. У меня двое детей, у которых 6 лет назад мама умерла, поэтому я их воспитываю».

Для меня эта фраза, учитывая общее первое впечатление от респондента, звучала как развернутая формула отказа от общения, и я уже был готов услышать следом что-то вроде: «Поэтому извините, некогда с вами общаться». Но оказалось ровно наоборот: это стало началом рассказа и разговора, который продлился на пороге квартиры без малого пятьдесят минут.

Рассказа о разрушении сильных связей и отсутствии помощи от близких родственников; о слабых связях, которые неожиданно становятся источником необходимой в сложной ситуации помощи; о самопожертвовании ради блага близких; о благодарности судьбе за «добрых людей», попадающихся на жизненном пути; о былом единстве большой страны, внезапно обернувшейся войной.

ДМИТРИЙ: День добрый.

ВИКТОРИЯ: Здравствуйте.

ДМИТРИЙ: Мы проводим социологическое исследование.

ЛЮДМИЛА: Простите...

ДМИТРИЙ: Можно с вами побеседовать?

ЛЮДМИЛА: (Тяжело вздыхая.) Что вы хотели?

ДМИТРИЙ: Мы просто изучаем, как живут люди. Приехали специально, вот, в Малоярославец.

ЛЮДМИЛА: Понятно. У меня двое детей, у которых 6 лет назад мама умерла, поэтому я их воспитываю.

ВИКТОРИЯ: Если у вас вдруг...

ЛЮДМИЛА: Поэтому... вопросы. (Показывает рукой в коридор квартиры.) У меня и коляски, и всё на свете здесь. (Неразборчиво.) Плюс ещё ребёнок один. Дочь. Дочь просто работает с утра и до одиннадцати. Вот так. Занимаюсь с ним, учится (тяжело выдыхает). И ребёнок один ещё инвалид у меня. Который не ходит своими ногами. Который мне приходится в Обнинск ездить сюда, в реабилитационный центр, заниматься. Так что... В общем, вот такие дела (тяжело выдыхает).

ВИКТОРИЯ: Скажите, пожалуйста, а вам кто-то помогает?

«Раньше такого не было, а сейчас вообще не знаю». Разговор с женщиной на лестничной площадке

ДМИТРИЙ: Да, в этой ситуации.

ЛЮДМИЛА: В этом году... В этом году мне очень помогли. Администрация города помогла.

ВИКТОРИЯ: Малоярославца.

ЛЮДМИЛА: Да.

ЛЮДМИЛА: Мне подарили беговую дорожку. У меня сейчас в зале всё, тренажёр полностью. Мы и спим там, и тренажёр. Вот. И ещё иппо... иппо... иппотренажёр такой, лошадка. Так что мы занимаемся.

ВИКТОРИЯ: А кто-то, может быть, из родственников или соседей вам помогает?

ЛЮДМИЛА: Нет.

ВИКТОРИЯ: Ни друзья, никто?

ДМИТРИЙ: А какие-нибудь благотворительные организации, там, волонтеры?

ЛЮДМИЛА: Нет... Волонтеры — нет ничего. Но так (неразборчиво) у нас есть здесь «Звёздочка».

ДМИТРИЙ: А это что?

ЛЮДМИЛА: Организация «Звёздочка» для таких детей. Особенных детей. С особенностями развития. Да. И вот мы ходим там на занятия: понедельник, среда и пятница. Но сейчас он в отпуске, молодой человек. Вот ходим, там, рисовать пробуем, потом, это самое... (тяжелый протяжный выдох) лепить, мозаика у нас, плюс ещё гончарный круг.

ВИКТОРИЯ: Лепка, да?

ЛЮДМИЛА: Да, да, да. Что-то такое. Так она у меня умница, всё, слава Богу. Бог наградил умом. Сейчас, просто... я не приглашаю [в квартиру], там старшая внучечка у меня гладит, здесь всё вот разбираемся, видишь... (указывает рукой на коридор квартиры, где стоят разные вещи).

ДМИТРИЙ: Да не, ничего, ничего, ничего.

ВИКТОРИЯ: Ничего страшного.

ДМИТРИЙ: Как вы справляетесь?

ЛЮДМИЛА: Ну, стараюсь, стараюсь. Помогает старшая внучечка.

ВИКТОРИЯ: А сколько ей лет?

ЛЮДМИЛА: Тринадцать в этом году, тринадцать.

ВИКТОРИЯ: Она помогает по хозяйству, да?

ЛЮДМИЛА: Ну, она помогает с ней в школу, потому что я операцию на сердце перенесла. Так, это самое... два года назад... год назад! В декабре месяце.

ВИКТОРИЯ: А есть какие-то пособия? Платят, вот, по инвалидности, по состоянию здоровья?

ЛЮДМИЛА: По инвалидности платят, да. А так как потеря кормильца не платят, потому что две пенсии не имеет права платить. А у старшей я опекун. Потому что вот мама, невестка, которая умерла, она её дочь. Поэтому я сделалась опекуном, чтобы вот как-то...

ВИКТОРИЯ: А ваш сын, он... нуу... помогает?

- Людмила: Ааааа (на продолжительном выдохе), нет, ему некогда помогать, он живёт не с нами. Работает с утра до вечера. Ей и в санаторий, и в больницу, то есть вот шесть лет она со мной полностью находится.
- Виктория: То есть вы, соответственно, не можете работать, потому что всё время ухаживаете?
- Виктория: Скажите, пожалуйста, а вы вообще общаетесь с соседями? Есть ли у вас друзья?
- Людмила: У меня много друзей. И по телефону, и так мы, и встречаемся на улице, бывает. Одна в этом доме живёт, другая через подъезд.
- Виктория: А с соседями вы общаетесь?
- Людмила: С соседями, ну, вы знаете, вот эти соседи сейчас продали квартиру, я их знаю, всех соседей. Сейчас у нас в подъезде многие пытаются поменять, и некоторые — кто коренные здесь живут, тех я знаю, так что так, да.
- Дмитрий: Вы сами родом отсюда?
- Людмила: Я местная коренная жительница, да.
- Виктория: А родители тоже здесь родились, в Малом Ярославце?
- Людмила: Они родились в Калужской области, под Юхновом. Потом, когда молодые были, они приехали сюда, стали жить, ну, а здесь уже мы родились, — я, брат, уже так что, так вот.
- Виктория: А брат вам ваш помогает с детьми, ну, с внуками?
- Людмила: (Напряженно выдыхает.) Нет, не помо... Общаться общаемся мы, всё, но так... Материально никто мне не помогает.
- Виктория: А последить за детьми, куда-то с ними сходить, ну, вот что-то отвезти, может, привезти, что-то такое?
- Людмила: Ну-у, мне, это самое, я как-то так выхожу, вот, я на детей на этих, старших, оставляю, если я пошла, там, в магазин, что-то ещё. Или внук сидит с малышкой, я со второй иду в магазин, или, наоборот, этот сидит, я, ну, как-то вот так. Старшая внучка, ей уже 23 года, ну, она работает, она замужем, работает учительницей. Она мне, если надо куда-то везти, она меня отвезёт, привезёт, в общем, ну, в таком плане.
- Дмитрий: Как вы, в целом, склонны доверять людям?
- Людмила: (Немного задумавшись и понизив тон.) Да. Ну, то есть, я благодарна Богу, что мне встречаются люди добрые, понимаете. Всё бывает в жизни, вот, ну, я за то, чтобы добро, добро... и даже если человек тебе сделал зло, всё равно на это надо ответить добром, то есть я вот по этому принципу... Если ко мне обращается этот человек, если в моих силах что-то, я помогу...
- Виктория: А у Вас ещё и огород есть?
- Людмила: Да. Просто надо, просто надо, и всё. Потому что дети у меня любят огурцы очень мои, помидоры любит сын у меня, помидоры «в снегу» я делаю, ну, какие-то салаты такие вот ещё.
- Виктория: Как? Помидоры в чём?

«Раньше такого не было, а сейчас вообще не знаю». Разговор с женщиной на лестничной площадке

Людмила: В снегу.

Виктория: А что это такое?

Людмила: А это помидоры с чесноком. Там в банку кладёшь помидоры. Заливаешь кипятком, потом сливаешь, там, минут через 10–15, и в эту банку добавляешь на тёрке натёртый чеснок, вот. Ну, я большими банками не закрываю. Ну, двухлитровые максимум, а так литровые я стараюсь, чтобы открыл, съел и всё. Вот, и туда, значит, ложку чеснока небольшую, смотря какая банка, если литровая, ну, туда, на тёрке... И потом рассол туда заливаю, закатываю, переворачиваю, и всё, сироп — о-бал-денный, вкусный, даже можно пить.

Виктория: Звучит потрясающе.

Людмила: И огурцы тоже вкусные, я угощала, это самое. Вот ко мне сейчас иногда приходит из милиции женщина, вот она как-то, ну, она просто подарки, это, ну, как подарки, вот... Она, может, ищет кого-то, кто помогает детям, и что это, вот сейчас тоже, в этом году только у меня началось.

Виктория: Это их инициатива? То есть, вы не обращались?

Людмила: Да, мы не обращались, она приносит «Барни» детям, и всё, «Барни».

Виктория: Да, мишки, «Барни», печенки вот эти.

Людмила: Да, да, да, да, да.

Дмитрий: Так, а вы с ней как познакомились?

Людмила: Она была в нашей группе в «Звёздочке», то есть, она как попечитель. Она в милиции сама работает, приходит вот, поздравит. Вот я тогда угостила её помидорами, огурцами, она говорит: «Я ещё таких помидор никогда не ела», и огурцов тоже, говорит. То есть, там укуса не чувствуется, ничего. Я не люблю, чтобы пересоленные были или уксус жевать. За грибами езжу тоже. С утра. Детям говорю: «Так, вы пока спите, проснётесь, бабушка с дедушкой до 11 часов». Ну, с утра поехали, в 11 уже дома, они только просыпаются летом.

Дмитрий: Любите за грибами?

Людмила: Ой (расплывается в улыбке), мне нравится, да, мне нравится собирать грибы. Ну, а потом, соответственно, надо ещё и закатать, привести в порядок это всё.

Виктория: А Вы, я так поняла, вы замужем, и ваш супруг, он с вами живёт же, правильно?

Людмила: (Понизив тон.) Да, да.

Дмитрий: А ещё что-то такое же, для души, есть занятие? Помимо грибов?

Людмила: Для души?

Дмитрий: Ну да, вот что, прямо, приносит удовольствие, что можете там какое-то время... уделить только вот этому занятию?

Людмила: Вы знаете, раньше я очень много читала, сейчас мне просто вот некогда читать. Я на ночь обычно ложилась, и вот читаю, даже

телевизор не смотрела. Сейчас мне некогда читать, некогда, честно говоря. Вот. Когда в санатории бываем, тогда они в тихий час ложатся, я, там, возьму книжечку. А вот ездила последний раз в санаторий, мне, конечно, не до книжки было.

Виктория: А что любите читать?

Людмила: Вы знаете, я любила про милицию читать.

Виктория: Детективы, да?

Людмила: Да, да, всё такое. Вот. Агата Кристи раньше читала. Ну, в общем, такие вот какие-нибудь книжечки.

Виктория: А вы, упомянули, что вы встречаетесь с подругами, вы вспоминаете, где вы работали. А можно поинтересоваться, где вы работали?

Людмила: Где я работала? В Обнинске я работала, и ИЭМе, Институт экспериментальной метеорологии. Я программистом работала. Да. А потом, потом я родила дочь старшую, она с 77-го года, ну, считайте, ей 46 лет. И я оттуда уволилась, потому что в Обнинск ездить неудобно, я здесь устроилась, устроилась на завод — приборный завод наш, МПЗ, Малоярославский приборный завод. Я устроилась в отдел главного конструктора, в бюро технической документации, то есть с документами всё связано. Вот. Ну и я, это самое, работала. (Поднимается человек по лестнице, разговор ненадолго прерывается.) Я работала в бюро технической документации, занималась сначала получением всех документов, которые на завод приходили, ездили в города, получали это. Потом я занималась таможней, одна на заводе, кто, если что-то отправляет, то вот. Ну, а потом завод распался.

Виктория: Это в каком году?

Людмила: Ой, вы знаете, сейчас если 6 лет... 6 лет как Наташи нет... и тогда 7 лет, наверное, я там проработала же, ну лет 13 — лет 15 назад, наверное, вот так вот.

Виктория: Ага, ага.

Людмила: Вот, так что завод был полторы тысячи человек у нас было там. А сейчас 25 человек там. Там было полторы тысячи. Завод у нас очень такой был, даже и военный, там, немножечко что-то. Ну, в общем, так. А потом я пошла к частнику. И вот я там 7 лет отработала, а там занималась всем, чем можно. И как снабженец была, в общем (смеется), обеспечивала рабочих всех, надо что-то им, спецодежда, ну, в общем, всё на свете.

Дмитрий: Многопрофильный специалист (с улыбкой).

Людмила: Да. Ну это частник, понимаете? А частник, он... И платил всего 15 тысяч, а... 13 050. А числилась замдиректора по общим вопросам (смеется). Посчитайте, как на эти... [деньги жить]. Ну, а что... Вот... Ну, в общем, так вот. Когда случилось, я сразу в одночасье бросила. Невестка у меня умерла. А у неё никого из родителей нету. Поэтому так.

«Раньше такого не было, а сейчас вообще не знаю». Разговор с женщиной на лестничной площадке

Виктория: Получается то, что у детей только отец остался?

Людмила: Мой сын. (Понижая голос.) У старшей, у неё есть папа, но она никому не нужна, кроме меня.

Виктория: А вы её любите как родную, да?

Людмила: Ну, как по-другому? По-другому никак. (Понизив голос.) Они по матери родные сестры, поэтому...

Виктория: Скажите, пожалуйста, а вот чего вам больше всего не хватает в жизни? Вот чего отсутствует или, может быть, присутствует, но не в том количестве? Может быть, свободное время? Или, может быть, вы хотели бы, чтобы вам какую-то помощь кто-то оказывал? Вот что вам нужно?

Людмила: Вы знаете, моя мечта, чтобы у меня внучка стала ножками ходить сама. Это вот самое главное для меня. Вот. Ну и так как у меня просто вот как-то так, у меня, честно говоря, кредиты есть ещё, и поэтому мне желательно вылезти из этих кредитов, и тогда бы легче мне жилось. Ну, буду стараться, как... По мере возможности. А так, когда случилось, у меня племянница сказала: «Тётя вы напишите, попросите». Я говорю, я не буду просить, ни писать не буду.

Виктория: А почему нет? Почему у государства вы не хотите попросить помощи?

Людмила: Ну, ну а что, что я буду просить сейчас? Вот люди в этом году перед Новым годом спросили, вот, так и так, я сказала, что вот надо. Я говорю, у меня сейчас там беговая дорожка и это стоит проход между нашими кроватью и всё.

Виктория: Может быть, вам нужна медицинская реабилитация для ребёнка, чтобы куда-то её отвезти, чтобы с ней занимались её, чтобы она пошла ножками сама?

Людмила: Я езжу в санатории, но в санаторий (неразборчиво) в том году не получилось у меня поехать, я просто с ними вот ездила. В этом году я хочу поехать. Я говорю, пять лет подряд ездила, и вторую я брала с собой тоже, вот. Санаторий в том году... в позапрошлый год вот давали путёвку, первый раз дали. Это на юг, в Анапу, вот мне очень понравился там этот санаторий, мы в конце сентября ездили. Я опять звонила в соц. обеспечение в Калугу, в областную, они говорят: «Нет, только раз в четыре года». Я говорю, вы понимаете, я не молодёю, мне бы сейчас. Я же вижу, какие у неё сдвиги есть, поэтому мне надо, чтобы вот... Мы каждый день с ней занимаемся, каждый день. Она сама становится на дорожку, она идёт, а на этом самом, на лошади, как я называю иппотренажер, она по 30 минут скачет.

Виктория: А врачи что говорят?

Людмила: Я говорю, что она пойдёт.

Виктория: Вы?

Людмила: Я говорю, пойдёт, остальное мимо уха. Никаких операций я делать не буду, не хочу, потому что прежде чем что-то делать,

я с мамами, с родителем поговорила в санатории, одна говорит: «Я сделала, я жалею, что сделала».

Виктория: Почему?

Людмила: А потому что через год снова они надрезают сухожилие, месяц в гипсе ребенок находится, я таскать не могу, мне нельзя поднимать ребенка, но всё равно я сейчас — раз! — в коляску её подняла, раз! — что-то, понимаете, а так как я могу поднимать, таскать оттуда в туалет её? Я не могу тоже. Это если она будет, понимаете, тоже проблема, это раз. И потом: она выросла, и опять операция нужна, опять сухожилие подрезать, мне этого не надо, это до 18 лет, вот это пока не вырастет. И потом, одна женщина сказала, (снижает тон голоса) делали внучке вот эти операции... и в 18 лет, говорит, и в Ленинграде, там что только не делали, и в 18 лет она раз! — и умирает. И когда вскрыли, то от наркоза у неё внутренние органы дряхлой старухи были. Понимаете? От наркоза. А зачем мне эти эксперименты? Не надо. Поэтому пусть она, никаких наркозов, ничего.

Виктория: Своими силами?

Людмила: Своими. Вот сейчас мы только закончили массаж, ездить в Обнинск, сложно, тяжело, ну...

Виктория: А вы сами за массаж платите или договаривались?

Людмила: Я там не платила. Это просто реабилитационный центр, ну там два раза в год вот есть. Массаж, ЛФК, вот это вот.

Виктория: А вы сами, вот, вы сказали, что у вас была операция на сердце, вам же тоже нужна помощь, вам тоже нужно и обследование, и поддерживать себя.

Людмила: Ну, мне даже группу не дали, сказали, что «если сделали операцию, ты уже здорова».

Виктория: А скажите, пожалуйста, вот у вас, когда вы сталкиваетесь вот с этой системой здравоохранения с этими всеми органами опеки, опять же, у вас есть ощущение того, что им можно верить, что они выполняют качественно, хорошо свою работу, или вот нет этого?

Людмила: В больнице нет.

Виктория: В больнице нет?

Людмила: Не верю. Потому что сейчас в больнице в нашей к нам очень плохо относятся.

Дмитрий: Конкретно к вам?

Людмила: Нет, нет.

Дмитрий: Вообще к людям?

Людмила: К людям, просто к людям. Я записалась, сейчас же по записи работают, в регистратуре не запишешься, теперь же записываются у нас через КАУ, я через Госуслуги записалась сама. Прихожу, и я что-то приболела. Два дня как раз сипатый голос был, я в маске пришла, всё. Медсестра: «Мы принимать не будем, ты заболела?»

«Раньше такого не было, а сейчас вообще не знаю». Разговор с женщиной на лестничной площадке

Я говорю, я только это самое... мне лекарства надо выписать. А я пришла выписать лекарства. Она: «Идите на первый этаж». Пошла. Там нерусский кто-то сидел, я говорю, так и так. «Идите, сдавайте на ковид». Я говорю, да нет у меня никакого ковида, ни температуры, ничего. Ладно, пошла сдавать. Я говорю, вы послушайте, у меня хронический (неразборчиво), может быть, я, говорю, здесь это самое... Ну, вот, я беспокоюсь из-за этого, и дети-то все со мной, трое. «Нет, ничего, хрипов нет, и ничего». Я говорю, выпишите мне лекарства. «Я не имею права». Я поднимаюсь опять — к тому врачу, к кому записана. «Мы не имеем права в один день два терапевта вас принимать». Я говорю, вы чё меня гоняете? Я пришла в восемь двадцать и ушла в двенадцать часов, то есть я с первого на третий, вот так вот. Это чё?

Дмитрий: А так всегда было в этой больнице?

Людмила: Нет, раньше такого не было, а сейчас вообще, не знаю.

Дмитрий: Почему поменялось?

Людмила: Я думаю, что сейчас другие врачи, не те, которые были раньше, сейчас другие, это раз.

Виктория: Молодые, да?

Людмила: (Пауза, вздох.) Приезжие. Ну, не русские. Может быть, там есть кто-то из русских, но в общем, ну, как-то так вот. Отношение совсем не то стало, это раз. И, может быть, то, что вот переводится на компьютер, потому что не только я, но и другие подходят... карточку, потеряна карточка. У врача? Нету! Что они перепроверяют эти карточки, я не знаю. С чем это связано? Ну, то есть отношение, ну, как это, вот, у них какие-то статистические данные они собирают. Вы лучше лечите, чем... Да, нет?

Виктория: К детям такое же отношение, как ко взрослым?

Людмила: Нет, у детей врачи нормальные. Те врачи, к которым я хожу, они как были, они все хорошо, внимательные, я ничего не могу сказать.

Дмитрий: То есть только вот отдельные какие-то люди, да, попадают, с которыми контакта не получается?

Людмила: Ну да, да, да. Потому что, я говорю, я тогда ещё работала, я пошла к врачу, тоже он (неразборчиво), мне нужно узнать, как что. И попала тоже к нерусскому, он только появился — не знаю, сейчас работает, не работает — я его не вижу. И он: «А чего вы пришли?» Я говорю, послушайте, ну, как у меня, хрипы есть ли, чё-то выписать. «Всё нормально у вас». Я говорю, ну, вы послушайте меня. Послушал, посмотрел карточку, выписал мне 10 лекарств. «Всё нормально» у меня... Потом я говорю: «Скажите, пожалуйста, а когда прийти послушать, ну, хрипы прошли?» Он говорит: «Вы загляните ко мне в кабинет, и я скажу, выздоровели или вы нет». Прихожу на работу и говорю: «Девочки, у нас экстрасенс!». Открываешь дверь, и он тебе сразу скажет, здоров ты или не здоров.

- Виктория: Может, ему нужно фотографию в WhatsApp отправлять, по аватарке, там, будет определять, здоров человек или не здоров. По ауре, там, как-нибудь ещё, да.
- Людмила: Да конечно, да. Так что вот... вот такие вот дела...
- Виктория: А вот муниципальные органы?
- Людмила: С опекой мы нормально. То есть я прихожу, они всё, что надо, я чё-то делаю, всё это самое, всё. (Сильно понижает голос.) Вот, на эту внучку, у которой я опекун, государство платит ежемесячно 500 рублей. На, вот это самое, на книжку, да? И там, знаете, какой процент? Одна копейка, 10 копеек. Я прихожу когда, я распечатку делаю в Сбербанке и несу в опеку, и в Сбербанке говорю, я говорю, вы пользуетесь деньгами её, то есть до 18 лет это вот её на копейки, по 500 рублей. Вот за 6 лет ни копейки не прибавили, это от государства 500 рублей ей идет. Я говорю, ну, хоть как-то... Она говорит, возьмите тогда в опеке письмо, значит, ну, на счет, на другой откройте, где там процент. Я пошла, сказала, они мне разрешение дали, напечатали, я в Сбербанк (неразборчиво) допустим, 3,5 процента... ну, 500 рублей или 10 копеек. Хоть 500 рублей, но это её будут деньги, понимаете, поэтому я вот это самое.
- Виктория: Скажите, пожалуйста, а вы ходите голосовать?
- Людмила: Да.
- Виктория: А когда последний раз голосовали?
- Людмила: А когда вот было у нас? В том году? Нет, не в том.
- Виктория: А выборы кого?
- Людмила: (Вздыхает.) Я голосовала за Путина тогда.
- Виктория: А, вы имеете в виду президентские выборы, а вот муниципальные?
- Дмитрий: По Конституции, да? По изменению в Конституции.
- Людмила: Ну, (неразборчиво), да.
- Виктория: Это была ваша инициатива?
- Людмила: Да.
- Виктория: То есть вас никто не агитировал?
- Людмила: Нет.
- Дмитрий: То есть ваша позиция — вы ходите на выборы?
- Людмила: Я хожу, да.
- Виктория: А вот на муниципальные, вот когда, там, губернатора выбирают или депутатов местных, тоже ходите?
- Людмила: Ну, тоже хожу, да.
- Виктория: А вы их знаете, кто эти люди?
- Людмила: Я их не знаю, но просто, это самое... как бы скажут, что вот, вы знаете, вот этот... но я прочитаю, листовки же. А потом, ну, среди своих вот сидим вот на лавочке, просто это самое, разговариваем, обсуждаем, кто, что как.
- Виктория: А вы обращали внимание, ну, то есть смотрите, у каждого баллотирующегося, у них есть предвыборная кампания, правильно?

«Раньше такого не было, а сейчас вообще не знаю». Разговор с женщиной на лестничной площадке

Что я вот построю школу, здесь я сделаю детскую площадку. Вот вы обращали внимание, что они выполняют свои обещания?

Людмила: Честно, нет.

Виктория: Не выполняют или не обращали внимания?

Людмила: Не обращала внимания. (Смеётся.) Мне, честно говоря, некогда обращать внимание, потому что у меня забот полный рот, да. Потому что я уже вечером в пол-одиннадцатого: «Ребята, тишина! Все лежите просто». Ну, у нас сразу начинается, извините, словесный понос, надо спрашивать: «Бабуля, это, бабуля, это».

Виктория: Ага. Попить, да, пописать?

Людмила: Да это... Ууу... Это в течение часа у меня... бегают... старшенькая (смеётся). То попить, то пописать.

Виктория: А вот когда вы ещё работали, да, вот до этой ситуации всей сложившейся, вашей личной, вы как-то участвовали в каких-то, может быть, в волонтерских проектах либо, может быть, в общественных организациях каких-то состояли, вот, какую-то вели деятельность?

Людмила: Когда я работала на заводе, я в профсоюзе была, в профкоме.

Виктория: А расскажите, пожалуйста, про это, вот, что вы делали?

Людмила: Ну, как, когда профсоюз, профком у нас собирались, обсуждали какие-то вопросы, решали, кому путёвки — тогда же можно было от завода получить — как и что, вот.

Виктория: Это после развала Союза было, да?

Людмила: Это было до развала.

Виктория: А вот последние десять лет вы где-то как-то что-то делали в общественных организациях?

Людмила: Ну, когда я здесь вот работала, десять лет с детьми уже. Да. А там я работала, там просто я была загружена, но и, как сказать, вот, это моя была инициатива. Я знала, у меня список всех рабочих был, у кого когда день рождения, если что, покупала какой-то подарок или у начальника брала там, хоть, 500 рублей, конверт, приходила, поздравляла их от нас, и вот... 500 рублей. Мужчинам было приятно, что их поздравляют. Я ушла, ничего теперь нет там.

Виктория: Скажите, пожалуйста, вот ваши подруги, с которыми вы общаетесь, или родственники, у всех, ну, понятно, какие-то свои есть жизненные невзгоды, какие-то проблемы, да?

Людмила: Да.

Виктория: Вот они обращаются к властям, обращаются за помощью?

Людмила: Нет.

Виктория: Нет, никто, сами своими силами все справляется?

Людмила: Никто не обращается. Да, да, да.

Виктория: И ни за пособиями они не обращаются...

Людмила: Нет.

Виктория: А почему?

Дмитрий: У них необходимости нет в этом? Не положено?

- Людмила: Ну, не знаю.
- Виктория: Или не верят, что...
- Людмила: Может быть, они не хотят. (Обращаясь в квартиру.) Что там такое, Настя? — (Детский голос.) «Ничего». — Ничего? (Пауза.) Смотрите, аккуратно.
- Виктория: Скажите, пожалуйста, а вот за последний год, вот с февраля 2022 года, когда началось СВО, ваша жизнь сильно изменилась за последний год? Вы почувствовали какие-то принципиальные изменения?
- Людмила: Вы знаете, у меня внучка маленькая, она очень умная. Бог её наградил, она даже во сне видит Бога. Вот. Удивительно, но она начинает говорить, у меня мурашки по коже. Она слышала, говорит: «Когда эта война закончится, бабуль, ну когда эта война?» Понимаете, то есть вот страх, страх того, что, вот, ну почему это всё происходит, почему люди не могут... Она: «Бабуль, ну скорее бы они договорились». То есть она — ребёнок 9 лет — она рассуждает вот так. А у внука, у него папа — они, ну, не живут с моей дочкой — ну, он на войне был. И сейчас пришёл раненый, сейчас у него там, это не...
- Виктория: Он инвалидом остался?
- Людмила: Он в Балабаново. В Балабанове он, ну там ему что-то сейчас операцию будут делать, а потом снова туда направят, и не знаю, что там, на сколько месяцев.
- Виктория: Тяжело ранен?
- Людмила: Осколком, он на костылях.
- Виктория: А потом обратно отправят на фронт?
- Людмила: Да, да, сказали, поедет. Но сейчас ему спицы вытаскивают из ноги, а потом будет реабилитация, а потом снова туда, на сколько там, не знаю, на месяца два.
- Виктория: Ой-ой-ой... А молодой?
- Людмила: Молодой. Ну, дочери 45, ну а ему где-то так же.
- Дмитрий: А вы новости часто смотрите?
- Людмила: А?
- Дмитрий: Новости часто смотрите по телевизору?
- Людмила: Смотрю... (вздыхает). Ну, вы знаете, у меня сразу слёзы на глазах, я просто... (замолкает).
- Дмитрий: Тяжело эмоционально, да?
- Людмила: Тяжело, очень тяжело, да. Очень тяжело, поэтому я просто...
- Виктория: Скажите, пожалуйста, вот вы можете описать, когда, ну, 24 февраля прошлого года всё это началось, вот вы проснулись утром, увидели новости, у всех был шок. Вы же, наверное, сейчас можете вспомнить, какие чувства вы испытывали? Вот, вы можете их описать?
- Людмила: Вы знаете, я не могу, мне вот так было плохо, я просто вот... Я не верила, неужели это... Вот весь день около телевизора только вот это и слышала — что, как. Поэтому я... (замолкает).

Виктория: Даже говорить тяжело?

Людмила: Да.

Виктория: Страшно, да?

Людмила: Это очень страшно. И я очень переживаю за детей, просто переживаю.

Виктория: А как вы думаете, кто в этом виноват?

Людмила: Что?

Виктория: Кто в этом виноват? В том, что это всё случилось, вот что до этого дошло. Кто в этом виноват?

Людмила: Вы знаете, информации очень много, поэтому не знаешь, кому верить, кому нет. Я не могу сказать однозначно, виновата эта сторона или эта сторона. Я просто вспоминаю, что, когда я работала на заводе, мы ездили по путевкам... Вот, Витебск, Брест, Хатынь, Киев. То есть я ездила в командировку в Киев. Я просто, ну, даже... у меня в голове не укладывается, что как это так может быть? Понимаете?

Дмитрий: А вы эту тему с Украиной с кем-нибудь обсуждаете, с подругами, когда встречаетесь? Или с кем-то?

Виктория: Или с родственниками?

Людмила: Вы знаете, когда начинаешь на эту тему говорить, мне очень тяжело. У меня сразу сердце вот так вот сразу это самое, поэтому стараешься не затрагивать эту болезную тему, понимаете? Потому что каждый смотрит телевизор, каждый видит. И везде новости начинаются только с этого, новости только с этого. (Пауза.) Вы извините.